

УДК 008, 30

К вопросу об исторических факторах государственности в Евразии**Коршунова О.Н.**

Доктор исторических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления, истории и социологии
Казанского национального исследовательского технологического университета

Имперский дискурс в его сопряжении с национальной государственностью предполагает обращение к историческим и геополитическим факторам, а также к религии и духовности. В современных реалиях актуализируется потребность в концептуальном подходе к истории и проектированию будущего государственности в параметрах специфики с акцентом на постсоветское пространство Евразии. Автор использует историко-сопоставительный метод анализа, вовлекает в дискурс версии историографии.

Ключевые слова: империя, национальная политика, мифологизация, цивилизация, Россия, евразийство

Риторика дебатов об общечеловеческом видении политики все менее стыкуется с современными реалиями, причем все более очевидно, что общечеловеческий взгляд на мировое развитие не тождествен западным ценностям и взглядам. В любом случае дискутируемый «плюралистический «мир миров» будет иметь не один, а несколько цивилизационно-культурных центров», и возникнет проблема трансляции символов и значений с одного исторически сложившегося языка на другие, присущие иным культурам [1, с. 129].

Тезис о примате духовности как фишке Евразии и атрибуте функционирования ее сообществ бесспорен. Но не менее существен аспект государственности и межгосударственного сосуществования/взаимодействия. В предмет дискуссии превратился тезис о фундаментальности феномена национального государства – инструмента организации политического пространства. В частности, этот принцип поставлен под вопрос проектом Евросоюза с его принципом добровольного частичного отказа от государственного суверенитета [2, с. 8]. В современном мире мы видим эрозию института государственности, причем не самопроизвольную, а спроектированную под методики «конструкторов деструкции». Налицо подспудная работа по низвержению постулата о государстве как базисе общения наций, провозглашенного в 1648 г. ставшим эпохальным Вестфальским мирным договором. Попытки его развенчания покушаются низвергнуть каноны международного права и межгосударственных отношений, складывавшиеся веками,

и поэтому вписываются в дискурс государственности в Евразии как глобальный тренд.

В противовес этому проекту в мировой политике не только не изжиты, но по-прежнему доминируют национальные интересы, и государство как субъект остается ключевым демиургом и инструментом их реализации. Значимость государственных скреп усиливается при эскалации, порой провоцируемой, хаотичности, нагнетании разбалансированности, усиленной эффектами глобализации и последствиями распада СССР. Формирование (хотя лексически это производное от слова «форма» применительно к нашему случаю «хромает») новой гражданской идентичности в странах бывшего СССР неотрывно от самоидентификации и восприятия исторических традиций с глубинными корнями протяженностью порой в тысячелетия. Результат: значимость фактора исторического сознания возрастает. В эти процессы вплетается активизация мифотворчества, характерная для транзитных периодов истории того или иного общества. На основе комплекса варварства или кочевничества, возвращенного в советский период, создаются новые мифы [3, с. 92].

В этой связи не померкла парадигма евразийства с посылом взаимосвязи географических и историко-государственных мегасюжетов, в том числе касающихся геополитических союзов. Квинтэссенцию евразийства составляет идея полицентризма. С перемещением цивилизационного лидерства с Запада (Европы и Америки) на Восток сочетается перспектива корректив возможной роли России

в новом мире [4, с. 287]. Этот процесс отнюдь не сводится к многовекторности российской политики в отношениях с внешним миром: он предполагает приоритетность евразийского направления как камертона настройки на нестандартные геополитические прорывы. Конечно, при всех этнокультурных и геополитических перенастройках требуется оговорка: для России культурное присутствие в Европе – непреложная данность, ее не «испелить» и не вытравить ввиду генетической природы бывшего культурного «гибрида», Российской империи, со временем превратившейся в носителя европейских начал как компонента национальной культуры.

Концентрация внимания на культурных практиках не означает отказа от имперской тематики с ее сюжетами отношений между народами и государствами, соотношения коллективных идентичностей и т.п. Феномен империи не исчез из спектра концептуальных конструктов. Империя «оказалась инкорпорированной в современный политический и культурный дискурс как «Иное» современной политики, международного порядка и прогресса» [2, с. 15, 16] Понятие империи ныне, не без влияния эйфории глобализации, размыто, но не «изъято» из истории Евразии и России. Это связано с рядом объективных факторов.

С регионами Евразии Россию роднит равнинный ландшафт, умеренно-континентальный климат, биоценозы. Однородные географические условия подвигали к созданию империй: державы Хунну, Тюркского эля, Великого монгольского улуса. Россия в этой череде первенствовала по пространственно-временному формату. Малочисленность по сравнению с аборигенами обрекла монгольские племена на «растворение» в глубинах истории. Однако монголо-татарские корни прослеживаются в том, что русские заняли неиспользуемые в степном хозяйстве ландшафты. В итоге этнического слияния русских со степняками не происходило, но взаимовыгодное сотрудничество вписывалось в формулу если не «братства» русских и тюрков (термин Л. Гумилева), то в параметры взаимной лояльности. В таких панорамных сущностных форматах истории важен взаимный имидж, уровень комплиментарности/отчужденности народов, и Гумилев запечатлел его в личностном духе так: «Мне тесные контакты с казаками, татарами, узбеками показали, что дружить с этими народами просто». Надо быть с ними искренними, доброжелательными, уважать своеобразие их обычаев [5, с. 12].

Противовесом такому подходу, антитезой-вызовом изначально-корневой природе России служил Запад, роль которого образно запечатлена в метафоре Г.В. Плеханова – историософа. Россия, считал он, есть «страна с азиатским туловищем и пришитой Петром I европейской головой». Риск превратиться в задворки Европы особо остро сознавался в России как ставка в борьбе за выживание, которой отмечены войны с условно коллективным Западом.

Не демонизируя Запад имплицитно, вспомним предупреждение Ф.Тютчева, знакомого с европейской политикой и историческими стереотипами восприятия России на старом континенте не понаслышке: «Запад познает нас сквозь шоры ненависти, удвоенные невежеством».

Методологический гипотетический компромисс предложен евразийцами Г. Вернадским, Н. Трубецким, П. Савицким, Э. Хара-Даваном и др. Их версия без претензий на ореол статуса доктрины, имела исходными позициями историю и географию-геополитику, а объектом осмысления – отношения России с сопредельными странами (речь о Евразии в узком смысле слова). Они высветили кочевой, степной ракурс русской истории, сформулировав идею о системообразующем влиянии туранского элемента на культуру страны. Геополитическую подоплеку встречи леса и степи Савицкий облек в формулу: «Без «татарщины» не было бы России». Квинтэссенция идеи: в средние века состоялось «обрусение и оправославливание татарщины» (Н. Трубецкой). Мыслители–современники Октября 1917 г. обозначили идеологический контекст истории Евразии, отмечая комплиментарность населявших ландшафтно-географическую нишу Востока народов, исповедовавших разные религии. Евразийцы рассуждали философически, уподобляясь носителям традиционно-восточных представлений о тысячелетних мерках – делениях шкалы времени.

Советский эксперимент по устроению национальных отношений был созвучен постулатам евразийцев, которые вписывали Советский Союз в реестр идеологически мотивированных творцов истории в попытке имплицитно реализовать идею-практику всеевразийского государственного единства [6, с. 25]. Опыт советской государственности сочетал социокультурные доминанты Европы и Азии, воплощая азиатские начала общинности, традиционности, культа верховного правителя, и этот синтез, возможно, способствовал долговременной стабильности страны Советов. Ее национальная политика предложила модернизаторскую направленность, цивилизаторскую подоплеку взаимодействия славянского и тюркского миров. Идеологическая ангажированность официальных лозунгов, перекосы конфессиональной политики в ходе «борьбы с пережитками прошлого» не отменяют исторически зафиксированных результатов курса на преодоление «фактического неравенства» в отношении народов периферийных регионов и опыта выстраивания государственности в составе Союза ССР. Этот опыт примечателен тем, что осуществлялось взаимодействие народов, живших как бы в координатах разных эпох.

В обзоре оценок советского эксперимента небезынтересно и показательно обратиться к историографической ретроспективе – фундированным изысканиям западноевропейских оппонентов совет-

ского, плакатного по форме, тезиса о торжестве национальной политики. К концу XX в. западные исследователи накопили определенный эмпирический материал по истории некоторых народов СССР, в том числе проживавших в Среднем Поволжье и Средней Азии тюркских народов.

Историки и экономисты англосакского отряда советологии в 1960-е гг. констатировали «ошеломительный прогресс просвещения через сеть школьного образования, в том числе в Средней Азии, где «безграмотность была повержена», женщины эмансипированы (уравнены с мужчинами). Они признавали, что «многие советские народы повысили жизненные стандарты» и «прогресс в преодолении культурной и экономической отсталости» бесспорен [7]. Новые ресурсы государственности, достижения в подготовке кадров высшей квалификации в республиках Средней Азии неотделимы от успехов кампании по ликвидации неграмотности, отмеченные и советологами [8]. Эти сдвиги произошли в республиках, где борьба была особенно ожесточенной, ведь в Средней Азии «русские большевики, авангард революции, встретили сильную расово-религиозную оппозицию их концепциям управления, социальных отношений, индустриализации и коллективизации со стороны местных тюрко-мусульманских народов», в том числе по причине разрушения местных моделей экономической жизни [9].

СССР сыграл для данного региона, и не только для него, роль своеобразного катализатора-инкубатора государственности, складывания современных наций. Реализуя программно-политическую установку РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) о праве наций на самоопределение, центр взял на себя риски утверждения административно-государственных границ, нейтрализовал басмаческое движение, выступавшее военно-террористическим инструментом консервации патриархально-рабских порядков. Так что исторические идеологемы евразийской интеграции как вектора и ориентира укрепления государственности не потеряли актуальности в том числе благодаря цивилизационному эффекту советской политики «интернациональной помощи» и «ликвидации фактического неравенства народов».

Мутации этнонационализма как реакции на штампованно-панегирические оценки советского опыта начали оснащаться в 1990-е гг. мифами, в том числе по поводу имперской политики России. После распада Советского Союза едва ли не основным направлением идеологического обоснования независимости бывших союзных республик становится апелляция к исторической памяти. Мифология вокруг национально-государственных сюжетов в западной пропаганде с ее тезисом о колониально-эксплуататорском имидже России и «советской оккупации» складывалась на фоне реанимации-реинкарнации европейского комплекса превосходства.

В бывших же союзных республиках Средней Азии набирала обороты историческая подсветка в виде воспевания имперского величия государств Чингисхана и Тамерлана, она составила основу преподаваемого курса истории и научных трудов. Апелляция к истории ордынских государств эволюционировала в превращение их в объект гипертрофированного внимания, играла роль идеологического «цемента» определенных недвусмысленных политических претензий и ориентиров. На этом фоне игнорировались здравые заключения авторитетных западных историков о гетерогенности Российской империи, по отношению к которой неприемлемы определения «унитарное государство», «православная империя», «колониальная держава» [10]. На лавинообразную «перелицовку» истории влияла заинтересованная активность государств внешнего мира, без которой не понять мотивы перевода языков на латиницу и контекст политических процессов.

Ситуация стимулировала историческую память об опыте государственности, прежде всего средневековой эпохи. Радикализировались негативные оценки имперской политики России, в которой евразийская струя обозначилась более или менее явно после взятия Казани в 1552 г. Для внутренней России поликультурность и полиэтничность с середины XVI в. определяла многие особенности конфессиональной политики и регулирования межэтнических отношений. Они в разных регионах заметно варьировались. Трагическими коллизиями отмечена эпопея продвижения России на Северный Кавказ, где мусульманское население оказывало вооруженное сопротивление.

Иной представляется траектория этноконфессиональных отношений в Волго-Уралье. Коллективная историческая память татар Среднего Поволжья также запечатлела воспоминания о государственном величии времен Волжской Булгарии и Казанского ханства. Монгольский компонент памяти сквозит в прецедентах, когда татарские мурзы выводили родословную от времен Батыея. Память о былом государственном величии «Татарского царства», по мнению казанского историка, жившего в начале XIX в., М. Рыбушкина могла служить источником «беспорядков в стране Казанской» после событий середины XVI в. [11]. Твердость блока воспоминаний о тюрко-татарской государственности сказывалась на становлении национального сознания и политической культуры татар и в Новое время.

Рубеж XX–XXI вв. ознаменован активизацией религиозного фактора и возрождением ислама как фронтальной тенденцией. Следствия этого тренда, сопровождавшегося наплывом мусульман в Европу, проявились и на политическом поле. Представители мусульманского населения Западной Европы представлены в парламентах. В новейшей России исламские организации на пике их активности пря-

мо и косвенно побуждали мусульман к социальной и гражданской активности. Общим местом стала констатация роста численности мусульман.

Имидж и геополитические действия российского государства формируются как традициями конфессионального мира, их интерпретацией, так и текущей политикой. Для них естественными судьбоносными данностями стали связи с мусульманским миром как маркер курса на многополярность мира и самостоятельность внешней политики. По отношению к мусульманскому миру как к единому цивилизационному сообществу и во взаимодействии с конкретными государствами мусульманской Евразии политика России в целом выделяется прагматизмом. Российская Федерация не участвует в «большом модернизационном проекте» по демократизации мусульманского мира, предложенном Соединенными Штатами, не взывает к обретению «нового ислама». Приоритетен крен в пользу «старого» традиционного ислама с курсом на восстановление «полузабытых в советский период ценностей» [12].

Разумеется, прогнозировать на длительный отрезок времени перспективы государственности и межгосударственного сотрудничества, апеллируя лишь к истории, рискованно. Приходится отметить, что значимость института национального государства в XXI в. не дезавуирована вопреки современным постмодерновым версиям о легитимности цивилизациеобразующих констант. В любом случае горизонты выстраивания и конструирования новой государственности и межгосударственного сотрудничества в ситуации турбулентности международного права и хаотизации социокультурных процессов зависят от способности элит осмыслить геополитические процессы и уроки истории без фетишизации духа «возрождения национальной истории». Зависят они и от умения мобилизовать потенциал концептуальных подходов к парадигме специфики Евразии, неотъемлемой частью которой является Россия с ее уникальным опытом организации и управления межэтническими и конфессиональными отношениями.

Литература:

1. Красин Ю. О конфликте цивилизаций и практических шагах к устойчивому «миру миров» // Россия и мусульманский мир. – 2007. – № 5(179). – С. 119-135.
2. Новая имперская история постсоветского пространства: Сб.ст. / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплунского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. – Казань: «Центр исследований национализма и империи», 2004. – 656 с.
3. Ковальская С.И. Причины современного национально-исторического мифотворчества // Национальные образы прошлого: этническая доминанта в историографии и философии истории / Отв. Ред А.В. Малинов. – СПб.: Издат. дом С.-Петрб. гос. ун-та, 2008. – С. 85-94.
4. Зотов В.Д., Сейфуллаев Р.С. (Гудрат Сейфи) Диалог цивилизаций в диалоге культур // Диалог культур в условиях глобализации. Материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева / Под общ. ред. Мамедова Н.М., Чумакова А.Н. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – С. 291-289.
5. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Предисл. С.Б. Лаврова. – М.: Экспрос, 1993. – 576 с.
6. Вернадский Г.В. Начертания русской истории. – СПб.: Изд-во «Лань», 2000. – 320 с.
7. Low A.D. Soviet Nationality Policy and the New Program of the Communist Party of the Soviet Union // Russian Review. – 1963. – Vol. 22. – P. 3-30.
8. Pierce R.A. Russian Central Asia, 1867-1917: a study in colonial rule. – Berkley and Los Angeles Univ. of California Press, 1960. – 200 p.
9. Beyond the Urals: Economic Developments in Soviet Asia. By Violet Conolly. – London, New York, and Toronto: Oxford University Press, 1967. – 420 p.
10. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. С. Червоная. – М.: Прогресс, 1996. – 342 с.
11. Рыбушкин М. Поездка в Старую Казань // Заволжский муравей. – 1832. – № 2. – С. 84-85.
12. Малашенко А. Ислам для России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 192 с.

To the Question of Historical Factors of Statehood in Eurasia

Korshunova O.N.

Kazan National Research Technological University

The discourse of empires in its conjugation with national statehood presupposes an appeal to historical and geopolitical factors, as well as religion and spirituality. The need for a conceptual approach to history and the design of the future of statehood in the parameters of the specifics of Eurasia with an emphasis on the post-Soviet space is actualized. The author uses the historical-comparative method of analysis, involves versions of historiography in the discourse.

Key words: empire, national policy, mythologization, civilization, Russia, Eurasianism